

Колодец

Помните прошлый год? Землетрясения, извержения, техногенные аварии, военные конфликты. Как-то разом навалилось, без передышек. И выяснилось, что нас маловато.

Мы – ангелы-хранители. Существоем рядом с людьми с момента их появления на Земле. Первое время ангел-хранитель был у каждого человека. Потом люди начали стремительно размножаться. А наше количество осталось прежним. Так получилось.

Сначала мы брали под защиту семьи. Один ангел – одна семья. Потом – кланы и народности. Но людям нравился процесс размножения больше, чем инстинкт самосохранения. Мы перестали успевать оказываться в нужном месте в нужное время. А в войнах наше присутствие вообще стало бессмысленным – как прикрыть солдата, на которого уронили двухсоткилограммовую бомбу? Отменить физические законы не в наших силах.

И тогда на всепланетном конгрессе ангелов-хранителей было принято решение – каждому из нас выделялась группа людей, в которой спасение осуществлялось по принципу "кто подвернется". Так был соблюден некоторый баланс.

Мне досталась южная часть большого государства – десять миллионов человек. А штаб-квартиру после долгих раздумий я сделал в небольшой телефонной станции маленького городка. Что скрывать – пьют связисты, глаз да глаз за ними нужен. Жаль, если что – хорошие ребята. В принципе, все десять миллионов по-своему хороши, но к этим работягам я успел привязаться.

А тут – неприятность за неприятностью. Вот, чтобы избежать совсем уж запредельных жертв, нас и мобилизовали. Лично я с наводнениями в Индокитае боролся. Бредешь иногда по пояс в грязной воде, ногами от пострадавших индокитайцев крокодилов отпихиваешь, дыханием бесчисленных детей согреваешь, а сам думаешь – как там связисты? Не хватанули случайно метил вместо этила? Не пробили ли жены их бесшабашные головушки сковородками от "Тефаль"? Не пустили ли в линию двести двадцать вместо двенадцати? Опять же, в нескольких километрах от городка запечатанный узел темных сил находится. Хорошо ли запечатан? Может, древнее зло уже вырвалось на свободу и сейчас нахально баллотируется в депутаты городской думы? Выиграет ведь, чертяка...

Хотя по поводу древнего зла я переживал меньше всего. Ну, вырвется. Ну, станет депутатом. И будет в депутатском корпусе куда меньшим злом, нежели обычные депутаты. А начнет козни строить, так коллеги его сами сожрут на первой же сессии – даже жалко рогатенького, не понимает, во что вляпаться мечтает. Это ему не Наполеону нашептывать и Гитлера науськивать.

В общем, вернулся я из командировки в озабоченном состоянии тревожного непокоя.

Третий день Петрович с Кузько бродили по улице имени Падших комиссаров в поисках старых коммуникаций. Не водоочистных, само собой – их на этой улице отродясь не было, так как никто в частном секторе никакие удобства проводить не собирался с самого основания города лихим разбойным атаманом Степаном Разиным.

Нет, искали свои колодцы, телефонные, когда-то соединявшие старую телефонную станцию и такую же немолодую макаронную фабрику, в годы войны выпускавшую пороховые заряды, а в годы перестройки развалившуюся до самого фундамента.

Искали по схеме, найденной в архиве. И схема упорно утверждала, что таковые колодцы имеют место быть, мать их перемать, за ногу и об забор, едрит их ангидрид.

А на местности в изобилии наличествовали ямы и канавы, бездонные лужи и коварные колдобины, в которых был явно замечен природный, а не рукотворный характер.

Можно было бы плюнуть и вернуться в контору, доложить, что поиски результат дали всего один – а именно, его полное отсутствие.

Но Петрович продолжал бродить по улице, надолго прикиная к каждой яме. Он верил, что схема не врет. Потому что составлена она была в широко и печально известном тридцать седьмом году. То есть, не могли связисты в том году нарисовать неправду. Ибо вряд ли мечтали переехать из южно-европейского городка на перспективные прииски Магадана, чтобы работать там не по специальности.

Кузько, напротив, в честность и порядочность предшественников не верил, поскольку не верил в честность и порядочность человечества в принципе. Но продолжал понуро составлять компанию Петровичу, потому что считал, что лучше бесцельно мерить глубину луж резиновыми сапогами, чем работать.

Они медленно переходили от одной точки к другой, пытаясь сопоставить прошлое с современностью. За сто прошедших лет одни дома исчезли, другие, наоборот, появились. Заборы сдвинулись к дороге, отвоевав для своих предприимчивых хозяев дополнительные метры пространства. Улица изгибалась иначе, столбы стали бетонными, и только грязь напоминала, что есть в этом мире кое-что вечное.

- Мартышкин труд,- в сто тридцать пятый раз повторил заклинание Кузько, с надеждой поглядывая на окна магазина.- Может, пообедаем? Я сбегаю, если что.

- Ты пустыми бутылками тут уже пол улицы, наверное, смог бы вымостить,- проворчал Петрович, почти согласившись со своевременным предложением.

- Вторая половина, между прочим, твоя.

Петрович задохнулся от возмущения.

Тут в конце улицы появился знакомый автомобиль, известный каждому жителю бывшей страны победившего социализма с некрасивым человеческим лицом – так называемая "буханка", неказистая собачья будка с мотором, способная за раз увезти до тонны сэкономленной медной проволоки, пока начальство не видит, разумеется.

Машина искусно объехала самые глубокие ямы и остановилась непреодолимым препятствием между связистами и магазином. Из кабины вылез начальник – грозный бригадир Жуков, у которого не забалуешь. Следом по лужам заскакал водитель Гоша.

- Вы охренели, кладоискатели?- ласково спросил бригадир.- Три дня на раскопки – это уже перебор. Или вам эти дни зачесть в счет отпуска?

- Так нет тут ничего,- ответил Кузько, обеспокоенный угрозой.- Конь не валялся. Побрезговал.

- А схема?

- На ней, наверное, другая улица. Другого города. Война, бомбежки.

Петрович только вздохнул, так, что в соседнем дворе колыхнулось на веревке мокрое белье.

- Причем тут бомбежки? Наш город не бомбили.

- По ямам такого не скажешь...

- Не совпадает схема с реальностью,- грустно сказал Петрович.- На, Иваныч, сам посмотри. Вот дорога, видишь? Здесь должен быть колодец. Прямо под твоими ногами. А его нет.

Жуков внимательно изучил схему, потом осмотрел окрестности, усмехнулся чему-то, протянул бумагу Петровичу и сказал таким сладким голосом, что связистов перекосило от сахарного передоза:

- Специалисты, мля. Третий день один километр изучают. Горжусь знакомством. Будет что внукам рассказать. Только один вопрос перед началом рукоприкладства – а вы за эти три дня ни разу схему перевернуть не пробовали? Просто, из любопытства? Нет? Вот тут, в уголке, для дебилов стрелочка нарисована. Острие показывает на север, оперение на юг. Что, не слышали про компас?

- Монтировку принести?- деловито спросил бригадира Гоша.

- Принеси. Только в газетку завернуть не забудь, чтобы им не так больно было.

Пристыженные монтажники перешли улицу, перевернули схему и сразу же наткнулись на чугунный люк с буквами ГТС – городская телефонная станция.

Люк на три четверти покоился под мощным слоем грязи, но не найти его могли лишь Петрович и Кузько.

- Надо же,- сказал Кузько,- и на металлолом никто не сдал. Мистика.

- Открывай давай, спиртсмен хренов,- пресек в зародыше обсуждение радостного и удивительного явления люка народу, бригадир.

Я летел над Каспийским морем, когда в душе – да, и у духа есть душа!- шевельнулась заноза беспокойства. Сначала я подумал, что это остаточное явление – уж больно много в последние дни вокруг было горя и переживаний. Возможно, где-то на островах Индонезии остался придавленный пальмой одинокий рыбак. А я его боль пропустил в череде более сильных эманаций. Вернуться?

Я просканировал ноосферу и ускорился – сигнал шел мне навстречу!

- Открывайте,- повторил Жуков, поглядывая на часы – рабочий день близился к концу.

Петрович носком сапога ковырнул пласт слежавшейся грязи.

- Лопату бы,- сказал он в пространство.

- И лом,- поддержал его Кузько.

- И вообще, зачем нам эти старые колодцы? Они, небось, по горловину землей забиты.

- Вот откроете, тогда и будем думать,- отрезал Жуков.- Нам здесь оптоволокну тянуть, забыли? Прикажете новую траншею копать? Так вам ее и копать!

- Гоша, у тебя в машине, кроме монтировки, случайно, нет лопаты?- спросил водителя Петрович.

- Почему – случайно? Не случайно, а специально! Нет.

Петрович и Кузько уставились на бригадира. В их глазах светилась робкая надежда.

- Ладно,- смирился с нежеланием подчиненных копать землю руками Жуков.- Но завтра чтобы с самого утра...

- Так с самого, что ни на есть!- радостно заверил Петрович.

- Оно, конечно, прямо с рассветом!- заорал Кузько.

Проходившая мимо кошка презрительно фыркнула. Жуков поддержал ее скептицизм:

- Ага, как же. Давайте в машину. Главное, инструменты не забудьте, не то фуражками своими будете грязь из колодца вычерпывать. Поехали.

Я стоял за спиной бригадира и задумчиво глядел на найденный колодец, от которого исходила какая-то странная аура. Что-то, не то, чтобы нечистая, а такая... грязноватая, что ли. Давно немытая, вроде той, что источают дальневосточные пассажиры поезда "Владивосток – Москва" к моменту прибытия на Казанский вокзал.

И особыми неприятностями не тянуло, скорее уж мелкими пакостями. Ладно, попробуем пообщаться с неведомым...

Петрович, Кузько и примкнувший к ним по воле бригадира ветеран труда и отдыха Валютин прибыли на место, как и обещали, почти сразу после рассвета – всего часа через четыре.

При себе линейщики имели две совковых лопаты, одну штыковую, кувалду и эмалированное когда-то ведро.

- А лом ты зря не взял,- в сто пятьдесят четвертый раз повторил Кузько.- Чем мы крышку поддевать будем? А кувалдой что собрался крушить? Вот на фига ты ее взял?

- Твоим длинным языком вместо лома будем работать,- огрызнулся Петрович, чувствуя нечто вроде стыда за промашку.

- Да лопатой подденем,- успокаивал ссорящихся почти пенсионер Валютин, откровенно не собиравшийся работать руками.

До заветной пенсии ему оставалось всего два месяца. Согласитесь – глупо гнутья в пояснице над доисторическим колодцем, когда светлое будущее так близко.

Это понимали и Петрович с Кузько, отчего настроение их было еще более мрачным. Кому охота работать не только за себя, но еще и за "того парня", вернее – за его половину. Лучше бы уж с ними практикант пошел.

- Ну, крути схему, Петрович,- сказал Кузько, привычно останавливаясь напротив магазина.- Насколько помню, первый люк мы нашли где-то здесь.

- Не принципиально,- буркнул Петрович.- Их на схеме двадцать четыре штуки. А тутошний

расположен ровно посередине.

Кузько раскрыл, было, рот, чтобы доходчиво объяснить товарищу, что ровно посередине двадцати четырех колодцев никак не может быть этот, поскольку двадцать четыре делится на два без остатка, следовательно...

И остался стоять с раскрытым ртом. Петрович взглянул в ту же сторону и тоже застыл в позе офигевшего связиста с кувалдой и ведром.

Только Валютин, впервые увидевший колодец, ничему не стал удивляться, неторопливо расстелил на самой высокой кочке толстый глянцевый журнал, основательно уселся и сказал:

- Ну? И чего вы панику устроили? Вот он, колодец. И, что характерно – крышка так и сверкает. Где пуды грязи? Где земля в три наката?

- Нет, это точно он,- пробормотал Кузько.- Три заветных буквы. Магазин напротив. Все совпадает. Но вчера мы его еле разглядели. А сегодня... кто это его так?

- И зачем? Сдать на металл? Чего ж не сдали?

- Не успели. Или передумали,- сказал, не веря сам себе, Кузько, который никогда бы не передумал. Никогда в жизни.

Петрович лопатой осторожно поддел крышку, надавил на черенок. Тот затрещал, но выдержал. Кузько подхватил чугунный круг, сдвинул в сторону.

- Мать моя родная,- хором сказали он и Петрович.

- Не знал, что вы братья,- удивился Валютин, не вставая с журнала.

Внутри колодец выглядел так, словно его только что вылизали языками сумасшедшие перфекционисты. На всю глубину кирпичная кладка влажно блестела коричневыми оттенками. В стенах виднелись аккуратные отверстия, в которые уходили ветхие кабели различного диаметра. В стране не до конца победившего социализма любая макаронная фабрика считалась предприятием стратегического значения, так что связью была обеспечена серьезно. Либо тогдашний инженер городской телефонной станции отчаянно не хотел уезжать из этого маленького городка строгать столбы из сибирских сосен. Вот и мудрил с местной связью.

Линейщики прошли вперед и назад. Для чистоты эксперимента. Колодцев на пять в обе стороны картина была такой же – кто-то любовно вычистил малые инженерные сооружения так, как они не чистились даже при Иосифе Виссарионовиче.

Это дело было нужно отметить.

Валютин не стал кочевряжиться, сбегал в магазин, где обменял деньги на то, чем принято запивать закуску.

За приемом пищи – и не только – их и застал приехавший бригадир.

- Понятно,- сказал Жуков, острым глазом сразу же заметивший неладное – бутылку водки и три бутылки пива.

- Да ладно тебе, Иваныч,- благодушно ответил Кузько.- Задача выполнена, можно и отдохнуть чуток.

- Все двадцать четыре?- не поверил бригадир.

- Так точно. Сам глянь, как мы тут... того... свершили.

Жуков прошелся по линии в сопровождении Гоши. И вернулся к линейщикам непривычно тихий, задумчивый и слегка обалдевший.

- Колитесь, черти – кого наняли и за сколько?

Петрович недолго подумал, да и решил сказать чистую правду. Все равно Кузько проболтается.

- Они такие уже были. Мы сами в шоке, шеф. Боязно в колодец спускаться – вдруг запачкаем стену сапогами?

На следующий день всей бригадой начали протягивать кабель от колодца к колодцу. Удивительно, но за семьдесят прошедших лет и каналы оказались ничем не забитыми!

- Мистика,- то и дело повторял Кузько, просовывая кабель и не встречая ни малейшего

сопротивления.- В центре такой же участок три месяца прокладывали. А тут за один день можем уложиться.

В тринадцатом колодце Кузько вдруг вспомнил про обед. Дрогнувшая рука неловко ткнула концом пробивного троса мимо отверстия.

Из щербатой дыры между кирпичами высунулась узкая черная рука с длинными пальцами, нащупала трос и утянула в темноту отверстия.

- Работай давай, растяпа,- донесся голос, приглушенный земной толщей.- Все за вас делать нужно, человечина.

Кузько изменился в лице и стал похожим на свою фотографию в паспорте.

Он осторожно высунулся из колодца. До следующего, в котором сидел и ждал трос Петрович, было не менее десяти метров. То есть, Петрович никак не мог дотянуться до Кузько по узкому каналу. Но, главное – Петрович всегда коротко стриг ногти! Не его была рука, век водки не видать...

Когда связисты уехали, я осторожно спустился под землю. Так и есть – в верхних пластах уютно расположилось типичное среднеазиатское семейство: папа, мама и сорок деток. Ифриты.

- Вы как тут оказались?- удивленно спросил я.

- Стреляли,- грустно ответил отец семейства.

- В смысле?

Рассказ был долгий и грустный. Жили себе ифриты в большой пустыне с незапамятных времен. Питались, в основном, верблюдами и теми, кто на них ездил. И все было хорошо, пока над песками однажды не поднялся большой ядовитый гриб на тонкой ножке. После этого через пустыню ездить перестали.

- Мы долго ждали,- рассказывал ифрит,- потом решили перебраться куда-нибудь. Пересекли пустыню, преодолели горы. Только обосновались, как налетели "грачи" и давай бомбить...

- Грачи?- удивился я,- Птицы?

- Э, какой птицы?- закричал ифрит.- Самолеты такие. СУ-25. Армейские штурмовики. Бомбу в пулеметное гнездо при пикировании как руками кладут – аккуратно и точно. Почти десять лет терпели. Перебрались на Кавказ – там тоже война. Короче, сюда добрались, заняли старые подземные коммуникации. Дети на рынке работают. Я старикам в кафе фокусы показываю. Жена помощь получает, как мать-героиня. За свет и тепло не платим – жить можно. Только скучно.

В голове мгновенно созрела идея. Вот тот уникальный случай, когда всем будет хорошо. Я рассказал свои мысли старому гастарбайтеру.

- Ладно, почистим колодцы,- пробурчал ифрит.- Это не сложно. И кабель поможем протянуть. А что мы за это получим?

- Обещаю – скучать больше не придется. Будет кабель – будет вам тут и интернет, и телевидение.

- Интернет?- обрадовался старик.- Это в котором можно котят лайки ставить? Договорились!